

Человек перед лицом истории в ситуациях социального и нравственного выбора — эта проблема определяет масштабность мысли в «Потерянном крове» Й. Авижюса, «Лестнице в небо», «Жажде» М. Слущкиса, «Каунасском романе» А. Беляускаса, «Жаждающей земле» В. Бубниса. Историческая концепция, вытекающая из художественного анализа действительности, реализована в них на уровне характеров.

В «Жаждающей земле» В. Бубниса история батрака Андриуса Марчюли-наса, получившего по советской земельной реформе несколько гектаров земли, о которой он прежде мог только мечтать, — это история драматической жизненной борьбы героя. Это борьба за свои человеческие права, за достоинство труженика, чей труд не будет больше служить лишь процветанию хутора его бывшего хозяина Маркаускаса и других таких же хозяев. Это и борьба с самим собой, своим страхом перед угрозами «лесных братьев», не останавливавшихся перед убийствами «новоземельцев». Это и борьба против себя, борьба Андриуса-собственника, проснувшегося в батраке, впервые почувствовавшем себя хозяином, против Андриуса-труженика. Он смутно предчувствует, что, поставив себе целью стать любой ценой независимым хозяином, можно превратиться на этом пути в такого же безудержного собственника, каков его бывший хозяин Маркаускас. Драматическая эта борьба завершается гибелью героя от руки Сокола и его банды, расправлявшихся с новоземельцами и советскими активистами. Драматизм ситуаций и психологических конфликтов, глубина реалистического исследования с позиций историзма, самобытность характеров делают роман В. Бубниса заметным явлением в современной литературе, продолжающим ряд социально масштабных произведений, рисующих мир и человека в обстоятельствах социального и нравственного выбора.

Недавняя история увидена и понята в названных произведениях как жгучая современность, прокладывающая пути в будущее обновленной социалистической нации, к новому человеку социалистического мировоззрения. С этих позиций рассматривает современная литература тему истории, взаимосвязи каждого человека с обстоятельствами исторического времени.

Э. Бэзкман в романе «Глухие бубенцы» развенчивает миф о «надклассовом» единстве, рисуя сложные взаимоотношения, разные политические и нравственные позиции людей, встретившихся на глухом лесном хуторе в конце войны.

Полярно противоположными оказываются взгляды людей, которые твердили о единстве и целостности эстонского народа, о его якобы общих проблемах, а на деле пробирались к побережью, чтобы навсегда покинуть родину. Социально-классовое чувство, страх перед уничтожением собственного мира оказываются куда сильнее абстрактно декларируемой любви к родине, к «единой» Эстонии. Рухнул еще один миф буржуазного сознания, обстоятельства истории отпечатали прочные следы в биографиях и судьбах современников событий военных лет.

При всем своеобразии сюжетов, ситуаций и индивидуальностей героев названных произведений в них проявляется тот историзм, который придает изображению человеческих судеб эпический масштаб, социальную и художественную значимость.

В литовском романе 60—70-х годов органично сочетаются завоевания психологизма и аналитичности романа внутреннего монолога с эпическими традициями романа социалистического реализма. В «Потерянном крове» Й. Авижюса, романах М. Слущкиса и В. Бубниса и других писателей принцип историзма, исследования развивающейся действительности в соотношении с концепцией и масштабами общественного бытия определяют художественную структуру произведений; судьба человеческая осмыслена в них в масштабе судьбы народной.